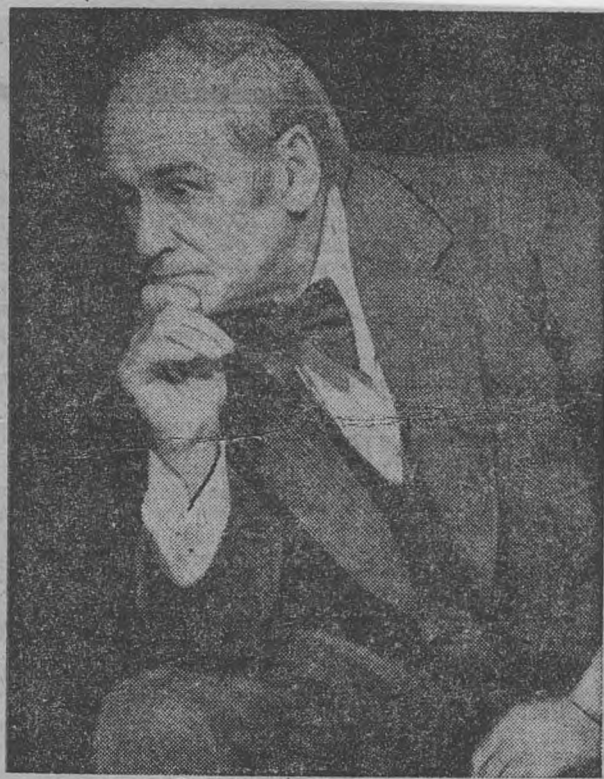

Юрий КАЮРОВ,
народный артист РСФСР

БАБОЧКИН

«Через несколько дней моих скитаний по Москве, больной, после обеда в столовой анархистов, состоявшего только из одного блюда — котлет из картофельной шелухи, я пришел... передачу пьесы Мейерхольда (Мейерхольд в 1919 году работал в ТЮЗ Наркомпроса)... Вышел ко мне худой, странный... высокий человек с... удивительными светлыми прозрачными глазами... Он отнесся ко мне всерьез... Конечно, я уже не помню всего разговора... но помню, сказал, что приехал учиться только в студии Художественного театра. Даже... встреча с Мейерхольдом... не поколебала меня. Так писал советский актер Борис Бабочкин, вспоминая свою историю выбора пути. Прибавим, что человеку, наставлявшему только на студии Художественного театра, было всего 15 лет. Так прямо, сокращая все подъездные пути, движется в искусстве большой талант. А ведь и в самом деле Бабочкин должен был торопиться: еще полтора десятилетия — и появится «Фильм века» «Чапаев», где Бабочкин в главной роли совершенно сольется с героем. Чацкий в «Горе от ума» и Самозванец в «Борисе Годунове», Хлестанов в «Ревизоре» и Настасья в «Страхе» Афиногенова — сценические образы всегда были в творчестве Бабочкина рядом с экранными. Так было в БДТ, в довоенном Ленинграде. Так стало в Малом театре в последние десятилетия жизни Бориса Андреевича. А режиссура? Горький и Островский в трактовке режиссера и антера Бориса Бабочкина — незабываемые страницы нашего искусства. Но были ведь еще и телевизионные шедевры — «Скуучная история» Чехова, «Плотничьи рассказы» Белова... В эти дни Борису Андреевичу Бабочкину исполнилось бы 80 лет. О земляке-саратовце, о старшем друге и учителе вспоминает сегодня Юрий Каюров.

ренне да, кажется, и внешне тоже, он другими глазами на все глядел, уже любя всех и тебя, видя в тебе не просто исполнителя роли, а помощника в осуществлении своего замысла. У него ведь был замысел спектакля.

И так не хватает мне сейчас реального Бабочкина, идущего коридорами Малого театра и несущего в себе этот драгоценный груз — видение будущего спектакля, ведомую только ему мысль, которой он скоро-скоро — недолго осталось ждать! — поделится со всеми. Смотреть тогда на него было любо-дорого. Он таким и живет в моей памяти: не больным, не раздраженным, не резким — не подступиться, — который может и «рубануть» иной раз, с маху, по-чапаевски, если под горячую руку попадешь...

Приставал я как-то к нему с просьбой, чтобы ему играть Фирса в «Вишневом саде». Режиссер А. Хейфец предлагал ему, он отказался, тогда Леонид Ефимович обратился ко мне (я играл Лопахина в этой телевизионной постановке) — попробовать уговорить Бориса Андреевича. Так вот, значит, я и подступился с этим: мол, как было бы замечательно, если бы вы, Борис Андреевич... как бы это украсило спектакль и т. д. Ну и «послал» он меня, в мягкой, конечно, форме. Странным, необычным показавшись мне тогда его отказ. Теперь я понимаю, вернее, догадываюсь — ходит с пальто в руках за Гаевым, который отмахивается от него, от Фирса — «отвяжись, Фирс, надоело» — было, видимо, не в характере Бориса Андреевича. И я не знаю, жалеть ли об этом или, может быть, не стоит, что мы не увидели Фирса — Бабочкина. Но зато я был свидетелем такого редкого по нынешним театральным временам факта, как проявление характера, а от этого чему-нибудь да научаешься. Да уж, что-то, а позиция своя — и в малом, и в большом — имела у Бориса Андреевича, проявлялась не только своей актерской неповторимостью, но только режиссерским, постановочным талантом, но талантом человеческого, в который входят и понятия честности, порядочности, принципиальности, чувства собственного достоинства, ощущения себя частицей, частью того громадного целого, имя которому — Россия. Этим, думается мне, талантом в полной мере был наделен Борис Андреевич.

Да, Россия, родные места, Волга, Саратов — он родом оттуда. Там я и увидел его в первый раз году этак в 1955-м. Я, в ту пору молодой, начинающий — третий сезон в театре — актер, служил, как говаривали прежде, в Саратовском драмати-

ческом театре. А Борис Андреевич приехал в этот волжский город смотреть-обсуждать наши спектакли. Это делалось раньше по линии ВТО, право, не знаю, как обстоят дела теперь, приезжают ли вот такие крупные театральные деятели — не только одни критики-театроведы, но практики — актеры, режиссеры. Приезжал к нам в те же годы и Арбузов Алексей Николаевич, и другие — вот радости-то, вот волнений-то было, и с какой отдачей, полной выкладкой, как говорится, игралось всем! И публика передавалась такое наше празднично-ответственное настроение, царившее в те дни на сцене...

Играли мы тогда для Бориса Андреевича «Годы странствий» Арбузова, то есть играли и еще что-то, но мне-то запомнилось это — в спектакле я был Шурой Ведерниковым. Из всех ролей, которые сваливались на меня в течение теперь уже почти тридцати лет, та была моей первой любовью, такой и осталась... И игралось, и любилось со всей непосредственностью и неопытностью юного чувства, со всем несовершенством еще не посетившего тебя качества, которое зовется мастерством, с которым иной раз связывают и расчет, и покой — притом именуют их уже техникой. Так вот, конечно же, о технике и речи быть не могло, ее не было ни у кого, состав был молодой, средний возраст что-то около двадцати пяти... Впрочем, виноват, тетю Тасю играла дивная актриса, дивная в своей простоте (кстати, это определение, это слово «дивное» любил произносить Борис Андреевич — так и слышу его интонацию). Так вот: тетю Тасю играла Анна Николаевна Стрижова, а она, конечно, была немолодой, если начинала еще в театральном деле Синельникова. И все же «техники» не было, зато было другое — была та самая любовь...

Прошли годы и годы, лет пятнадцать, наверное... Мы с Борисом Андреевичем играем в Малом театре вместе в спектакле, поставленном им, — «Достигаев и другие». Он — Достигаев. Среди других — я, Рябинин, большевик. У него роль сделана совершенно виртуозно, телевидение дает нам возможность убедиться в этом, показывая запечатленный на пленку спектакль, кстати, это последняя съемка Бориса Андреевича для телевидения. В один из дней в павильоне студии, так и вижу, — словно какая-то сила шатнула его и бросила на стоявший рядом диванчик; мы знали о болезнях его, его долгие отсутствия в театре говорили об этом. Но когда своими глазами видишь бессилие человека, да и

какого человека, перед болезнью — грустно становится очень...

Когда еще репетировали — а актеры, как известно, дети и задают режиссерам детские вопросы, — я спросил Бабочкина, каким он видит Рябинина. Борис Андреевич: «Он человек... четкий!» Как говорится, без лишнего слова. За этой лаконичностью многое мне предстояло разглядеть, разгадать. Очевидно, разгадать удалось. На очередной Московской театральной весне за роли в этом спектакле Борису Андреевичу и мне были выданы дипломы первой степени. Не забыл он меня и в следующей своей постановке — пьесе Горького «Фальшивая монета», поручив роль сыщика Строгова и требуя от меня в этой роли самоограничения во имя выявления характеристики этого типа. Просил нигде не улыбаться (что было для меня непросто, ибо я из категории улыбчивых), просил меня в палитре, если таковая имела, взять одну краску, и чистую краску, а я сомневался: как же можно персонаж с таким мутным прошлым и не вполне ясным настоящим писать одной да еще чистой краской... Не сразу пришло понимание необходимости этого. От спектакля осталось ощущение, что он (спектакль) существовал в какой-то поразительно точно найденной временной атмосфере точно найденных человеческих отношений — сложных, непроясненных, трезожных. По-разному игрался этот спектакль нами, по-разному воспринимался зрительным залом, но, когда в этом зале бывал Борис Андреевич, что-то чуть-чуть менялось в нас, артистах, видимо, тут-то спектакль и приобретал законченную форму. Становился уже не просто очередной постановкой, а фактом искусства.

Странный психологический феномен — присутствие в зрительном зале определенного лица... Это сказывается на качестве твоего сегодняшнего существования на сцене. Возможно, тут имеет место теория биополя, положительные и отрицательные заряды. Встречаются люди, из-за которых у тебя возникает ощущение опустошенности, ненужности твоего творческого напряжения. А Борис Андреевич посылал навстречу сигнал ожидания-сопереживания, и твои антенны точно настроивались на его волну. И тут происходило то, чем от века жив театр, жив актер. Появление Бабочкина за кулисами встречалось вопросом: «Ну как, Борис Андреевич?» Следовал ответ: «Гениально!» В своем одушевлении мы даже склонны были — хоть и не до конца — поверить, так передавались нам любовь и увлеченность Бабочкина этим спектаклем, этой пьесой Горького, которую он называл гениальной еще в самом начале работы над ней.

Об ощущении Бабочкиным драматургии Горького, о его любви к ней, понимании много сказано и в статьях о нем, и им самим, всем его творчеством. Вряд ли нужно что-либо еще к этому добавлять.

А вот о человеческой и художественной привязанности, о верности его определенным явлениям, людям — об этом его феномене сказать стоит. В театре был и есть ряд актеров, которых он предпочитал другим, пусть более именитым и маститым. Им Бабочкин отдавал свою любовь, привязанность. Думается, они платили ему тем же и теперь, без него, испытывают непреходящее чувство сиротства. Надо было, видимо, узнать и понять и тогда уже полюбить Бабочкина так, как это посчастливилось Кмиту (сыгравшему в фильме «Чапаев» Петю), чтобы потом, в горький час прощания с Борисом Андреевичем, так неутешно, в голос, рыдать, уронив голову на руки, сидя на табурете в узком коридорчике по соседству с зрительным залом Малого театра, где в узком луче прожектора виднелось лицо «его Чапаева». Великий фильм для меня с тех пор заканчивается этим необыкновенным прощанием с Бабочкиным. Ведь так недавно шла перед нами его жизнь, полная забот, новых замыслов, было решение ставить «Чайку», и актеры уже выбраны, и чем бы это стало? Как бы звучала у Бориса Андреевича «Чайка»? Непредсказуем был Бабочкин в творчестве своем, неожидан, смел и отважен.

Мой сын занимался у него в мастерской во ВГИКе. Леня учился у Бориса Андреевича всего одну зиму, доучивал этот курс Бабочкина уже А. Баталова. Только несколько уроков, но того, кто эти уроки преподавал, сын не забывал никогда.

Ну а те, кто, как я, «ходил» в эту школу не одну зиму и был не только учеником, но и партнером по сцене, товарищем в жизни, — им-то уж и сам бог, как говорится, не велел забывать: великие явления в художественной жизни страны не часты, и коли ты был им свидетелем — сможешь ли забыть?

Теперь я выхожу на сцену в «Фоме Гордееве», мне надо жить жизнью Якова Маякина... Если мне это удастся, то потому, что рядом с Горьким, создавшим мой персонаж, я постоянно ощущаю, чувствую, вспоминаю опыт работы с Борисом Андреевичем над пьесами Горького. И Бабочкинское «он человек... четкий», сказанное по другому поводу, звучит во мне сегодня, сейчас, сопровождает меня, пока я прохожу расстояния от гримерной до комнаты в доме Маякина.

Бабочкин живет во мне, во многих.